

**Наторп Пауль**

# **Социальная педагогика**

**Теория воспитания воли на основе  
общности**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 304  
ББК 60.5  
П21

П21      **Пауль Н.**  
Социальная педагогика: Теория воспитания воли на основе общности / Наторп Пауль – М.:  
Книга по Требованию, 2023. – 388 с.

**ISBN 978-5-519-98692-2**

**ISBN 978-5-519-98692-2**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## СОДЕРЖАНІЕ.

|                                      |            |
|--------------------------------------|------------|
| Предисловія . . . . .                | Стр<br>VII |
| Библиографическія указанія . . . . . | XXV        |

### Книга первая. Обоснованіе.

|     |                                                                |      |
|-----|----------------------------------------------------------------|------|
| † § | 1. Воспитаніе, образованіе, воля, идея . . . . .               | 1    |
| §   | 2. Идея не есть понятіе, взятое изъ естествознанія . . . . .   | 4    |
| §   | 3. Идея не есть понятіе, взятое изъ психологіи . . . . .       | 8    |
| §   | 4. Критика познанія — не психологія . . . . .                  | 13   |
| §   | 5. Область разума: теоретическое познаніе или опытъ . . . . .  | 22   |
| • § | 6. Область воли: практическое познаніе или идея . . . . .      | 30   |
| • § | 7. Ступени активности. Первая ступень: влеченіе . . . . .      | 49 — |
| • § | 8. Вторая ступень активности: воля въ тѣсномъ смыслѣ . . . . . | 61   |
| • § | 9. Третья ступень активности: разумная воля . . . . .          | 67   |
| §   | 10. Воспитаніе и общность. Соціальная педагогика . . . . .     | 76 ✓ |

### Книга вторая. Главныя понятія этики и соціальной философіи.

|   |                                                                                   |       |
|---|-----------------------------------------------------------------------------------|-------|
| § | 11. Нравственное въ индивидуальномъ и соціальномъ значеніи . . . . .              | 91    |
| § | 12. Система индивидуальныхъ добродѣтелей. I. Добродѣтель разума: истина . . . . . | 99    |
| § | 13. 2. Добродѣтель воли: храбрость или нравственная дѣеспособность . . . . .      | 108   |
| § | 14. 3. Добродѣтель сферы влеченій: чистота или мѣра . . . . .                     | 115   |
| § | 15. 4. Индивидуальная основа соціальной добродѣтели: справедливость . . . . .     | 125   |
| § | 16. Параллелизмъ функций индивидуальной и соціальной жизни . . . . .              | 137   |
| § | 17. Основные типы соціальной дѣятельности . . . . .                               | 152   |
| § | 18. Основной законъ соціальнаго развитія . . . . .                                | 166   |
| § | 19. Добродѣтели общности . . . . .                                                | 187 ✓ |

### Книга третья. Организанія и методъ образованія воли.

|     |                                                                                                                     |     |
|-----|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| ✓ § | 20. Соціальныя организаніи для воспитанія воли: 1. Домъ . . . . .                                                   | 201 |
| ✓ § | 21. Соціальныя организаніи для воспитанія воли: 2. Школа . . . . .                                                  | 210 |
| ✓ § | 22. Соціальныя организаніи для воспитанія воли: 3. Свободное самовоспитаніе въ общностной жизни взрослыхъ . . . . . | 220 |

|   |                                                                                                                                                     | Стр. |
|---|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------|
| ✓ | § 23. Форма волеобразующей дѣятельности: 4. Упражненіе и ученіе . . . . .                                                                           | 230  |
|   | § 24. Авторитетъ и его вспомогательныя средства . . . . .                                                                                           | 238  |
| ✓ | § 25. Нравственное ученіе . . . . .                                                                                                                 | 246  |
| ✓ | § 26. Матеріалъ практическихъ упражненій и практическаго ученія.<br>Первая ступень: домашнее воспитаніе. . . . .                                    | 253  |
|   | § 27. Вторая ступень: школьное воспитаніе . . . . .                                                                                                 | 262  |
|   | § 28. Третья ступень: свободное самовоспитаніе . . . . .                                                                                            | 267  |
|   | § 29. Значеніе образованія разсудка въ воспитаніи воли. Основы и<br>первая ступень . . . . .                                                        | 276  |
| ✓ | § 30. Продолженіе. Вторая ступень. „Воспитывающее обученіе“, въ<br>особенности—исторія, какъ „преподаваніе опредѣленнаго образа<br>мыслей . . . . . | 287  |
| ✓ | § 31. Переходъ къ третьей ступени. Философскіе предметы препода-<br>ванія, въ особенности этика, какъ учебный предметъ . . . . .                    | 306  |
|   | § 32. Участіе эстетическаго образованія въ воспитаніи воли. . . . .                                                                                 | 315  |
|   | § 33. Религія и человѣчность . . . . .                                                                                                              | 334  |
|   | § 34. Участіе религіи въ воспитаніи воли . . . . .                                                                                                  | 350  |

## Предисловіе автора къ русскому изданію.

Содержаніемъ предлагаемой книги, быть можетъ, заинтересуются и русскіе читатели.

Соціальные и педагогическіе вопросы во всемъ мірѣ наиболее жгучи, навѣрное, для серьезно и глубоко мыслящихъ людей; и весь же міръ вновь начинаетъ, повидимому, проникаться старымъ Платоновскимъ убѣжденіемъ, которое настоящая книга хочетъ поставить на надлежащую высоту, а именно, что въ конечномъ итогѣ соціальный вопросъ является вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогическимъ, выдѣленнымъ лишь «болѣе крупнымъ шрифтомъ», а педагогическій вопросъ является, въ свою очередь, и соціальнымъ.

Эта книга не изъ легкихъ, въ особенности же трудна ея теоретическая часть; и все же въ Германіи появилось третье изданіе, а интересъ къ ней, повидимому, не угасаетъ, а еще болѣе усиливается. Нѣкоторымъ читателямъ можно посоветовать начать чтеніе со второй или даже третьей части книги, хотя полное обоснованіе послѣдующаго находится въ предыдущемъ.

Дополненіемъ книги могутъ послужить «Gesammelte Abhandlungen zur Socialpädagogik (Stuttgart, 1907) и „Philosophie und Pädagogik. Untersuchungen auf ihrem Grenzgebiet (Marburg, 1909), въ которой статья объ «индивидуальности и общности» ближе всего подходитъ къ темѣ настоящей книги, и наконецъ лекціи о «Volkskultur und Persönlichkeitskultur» (Leipzig, Quelle & Meyer. Готовятся къ печати въ настоящемъ издательствѣ), которыя даютъ болѣе легкое и практическое представленіе о важнѣйшихъ задачахъ соціальной педагогики и которыя нѣкоторымъ читателямъ покажутся особенно подходящими.

Марбургъ, Декабрь 1910.

П. Наторпъ.



## Предисловіе ко второму и третьему изданію.

«Въ подлежащемъ сочиненіи дѣлается попытка дать обоснованный отвѣтъ на одинъ изъ наиболѣе центральныхъ вопросовъ нашего времени, при чемъ въ качествѣ проблемы берутся взаимоотношенія между воспитаніемъ и общностью. Воспитаніе, сущность котораго мы видимъ въ воспитаніи воли, разсматривается здѣсь, какъ обусловливаемое жизнью общности и, въ свою очередь, обусловливающее собою его формы. Благодаря этому во многихъ частяхъ получается новое освѣщеніе какъ фактовъ воспитанія въ самомъ широкомъ смыслѣ, такъ и фактовъ соціальной жизни, которая съ этой точки зрѣнія представляется однимъ великимъ организмомъ, служащимъ для образованія людей.

«Въ виду того, что, такимъ образомъ, двѣ обычно обособленныя науки—ученіе объ обществѣ и ученіе о воспитаніи—надо было не только привести во внѣшнюю связь другъ съ другомъ, но и показать, что онѣ въ глубочайшихъ своихъ корняхъ объединены и неразрывно связаны между собою,—въ виду этого оказалось необходимымъ дойти до философскихъ основъ той и другой. Надо было отважиться на дедуктивное построеніе. По нынѣшнему состоянію философіи я долженъ быть готовъ къ тому, что оно многимъ, дѣйствительно, покажется только смѣлымъ, что принудительность моего хода доказательствъ не для всѣхъ будетъ въ равной мѣрѣ убѣдительна, и что иные, придающіе больше значенія плодотворнымъ результатамъ, охотно подарили бы мнѣ весь трудъ этой дедукціи и взаимно предпочли бы еще болѣе конкретную разработку непосредственно-практическихъ вопросовъ. Этимъ лицамъ я могу только отвѣтить, что для выполненія своей задачи я долженъ былъ сдѣлать именно то, къ чему въ качествѣ философа я былъ подготовленъ. Впрочемъ, для читателей не останется незамѣтнымъ, что я приложилъ достаточно труда, чтобы изложить философ-

скія основанія своихъ утверждений въполнѣ ясно, и даже понятно для всякаго; и что исходныхъ точекъ для разсмотрѣнія непосредственно-практическихъ вопросовъ много дано особенно въ третьей книгѣ».

Таковы были вступительныя слова этой книги, впервые появившейся въ 1898 году. Выраженное въ нихъ методологическое основное убѣжденіе, а вмѣстѣ съ нимъ и все научное назначеніе книги встрѣчали со стороны критики только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ рѣшительное сочувствіе, въ гораздо же большемъ числѣ случаевъ они рѣзко отвергались. Если, однако, все же сравнительно скоро потребовалось второе и третье изданіе, это, повидимому, доказываетъ, что такое отрицательное сужденіе раздѣляется, во всякомъ случаѣ, не всѣми читателями. Поэтому я все же чувствовалъ себя обязаннымъ отвѣтить своимъ критикамъ въ предисловіи ко второму изданію (1903 г.); и я снова привожу здѣсь свои возраженія-воспоминанія, потому что они сами собою даютъ мнѣ поводъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ общаго характера, которыя, какъ кажется, могутъ сразу поставить читателя на надлежащую точку зрѣнія для пониманія этой книги.

Что смѣлая попытка совмѣстнаго дедуктивнаго обоснованія ученія объ обществѣ и ученія о воспитаніи не можетъ въ настоящее время разсчитывать на особое сочувствіе, это надо было предвидѣть. Но неожиданнымъ для меня было полное непониманіе смысла подобнаго дедуктивнаго обоснованія, — непониманіе, какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ отзывахъ объ этой книгѣ.

Я не говорю здѣсь о Бергеманнѣ, который пытался противопоставить этой дедуктивной—индуктивную социальную педагогику <sup>1)</sup>. Уже въ разборѣ его книги (въ *Rheinische Blätter für Erziehung und Unterricht*, 1901, Heft 5) я указывалъ, что, по моему мнѣнію, дедуктивный и индуктивный приѣмъ не противоположны другъ другу такъ, чтобы другъ друга исключать. Поэтому, намѣренно ограничившись въ своей книгѣ тѣмъ, что является дѣломъ философа, именно—дедуктивнымъ обоснованіемъ, я и не могъ желать ничего лучшаго, чѣмъ чтобы какой нибудь иной изслѣдователь, болѣе меня къ этому подготовленный, взялъ на себя затѣмъ индуктивную часть задачи. Если бы мы оба шли правильнымъ путемъ, мы должны были бы сойтись

---

<sup>1)</sup> Paul Bergemann, *Soziale Pädagogik auf erfahrungswissenschaftlicher Grundlage*. Gera 1900.

на одинаковыхъ результатахъ; слѣдовательно, каждое изъ обоихъ изслѣдованій могло бы послужить цѣнною провѣркою для другого. Такой провѣрки, если оставить въ сторонѣ нѣкоторыя удачныя частности, я не могу видѣть [въ книгѣ Бергемана,— не потому, что она пользуется индуктивнымъ методомъ, а потому, что она далеко не удовлетворяетъ требованіямъ научной индукціи; потому, что мнимый анализъ является, въ дѣйствительности, очень недостаточнымъ синтезомъ, именно въ главнѣйшихъ пунктахъ впадающимъ въ совершенно наивную метафизику, и все это, слѣдовательно, — не индукція, а неудачная дедукція.

Напротивъ, два спеціалиста-соціолога, выступившіе въ качествѣ критиковъ моей книги, П. Бартъ (*Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*, 1900, Heft 3) и Э. Ценкеръ (*Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, 1899, Heft 10), находятся внѣ всякаго подозрѣнія въ возвратѣ къ дедукціи. Первый поучалъ меня, какъ и Штаммлера, что всякій философъ долженъ «когда нибудь пройти черезъ Канта», но не долженъ «останавливаться на Кантѣ и для обоснованія эмпирическихъ наукъ» (стр. 374). Причинность и цѣль — это, будто бы, у насъ два различныхъ міра (!), которыхъ нельзя свести къ единству одной причинной связи (стр. 373). «Категорическій императивъ» — это, будто бы, «такой принципъ или фактъ» (позднѣе: «метафизическій фактъ»), о которомъ утверждаютъ, что онъ «находится внѣ причинности»; принципъ «которымъ никогда нельзя пользоваться для объясненія, ибо онъ не возникъ психологически» (стр. 372). — Что надо представлять себѣ подъ причинною связью между причинностью и цѣлью? Подъ психологическимъ, т. е., если я правильно понимаю, причиннымъ возникновеніемъ такого принципа, какъ категорическій императивъ? Кто утверждаетъ абсолютное самодержавіе причинности, тотъ вѣдь утверждаетъ извѣстный принципъ. Возникъ ли этотъ принципъ также причинно? Этотъ философъ, какъ кажется, не знаетъ методовъ, а знаетъ только вещи. И принципы для него — также вещи, и такъ какъ нельзя найти такой вещи, которая была бы [цѣлью, то очевидно, что кто утверждаетъ какую нибудь цѣль, тотъ сочинилъ себѣ нѣкоторую несуществующую вещь, — «неподвижную, стоящую надъ жизнью», внѣ міра вещей вещь-идею. Странно только, что то, что въ качествѣ теоріи, разумѣется, не можетъ имѣть силы, должно было бы въ качествѣ чего-то «назидательнаго» имѣть силу для дѣйствованія. И въ качествѣ таковаго Бартъ придавалъ значеніе моей книгѣ, даже рекомендовалъ ее читателямъ своего «научнаго» журнала. Значить, для дѣйствованія не требуется науки?

Второй изъ названныхъ критиковъ, не мало удивлявшійся тому, что въ социальную науку пытаются снова ввести дедуктивные приемы, будто бы по праву давно уже изъ нея изгнанные,—этотъ критикъ отсылалъ меня поучиться у Герберта Спенсера. А между тѣмъ Спенсеръ, по собственному его заявленію, ставитъ свой законъ эволюціи на дедуктивную основу, онъ вообще такъ же мало, какъ и Кантъ, призналъ бы правильнымъ оправданіе философскихъ принциповъ какимъ либо инымъ путемъ, помимо дедуктивнаго, хотя въ своей дедукціи онъ далеко не такъ рѣшительнъ, какъ Кантъ. «Принципъ», который въ качествѣ «философіи» (т. е. теоріи) долженъ служить къ «полному объединенію познанія», который долженъ въ качествѣ «наивысшаго положенія заключать въ себѣ и подкрѣплять всѣ результаты опыта»,—такой принципъ представлялся бы ему очень недостаточно обоснованнымъ, если бы опирался только на индукціи,—хотя бы и столь обширныя, какія Спенсеръ изложилъ въ длинномъ рядѣ томовъ своей «Системы»,—но не могъ бы быть и дедуктивно выведенъ изъ «основныхъ предпосылокъ, безъ которыхъ мышленіе невозможно», изъ нѣкотораго послѣдняго положенія, которое «превосходитъ опытъ, составляя его основу», которое «глубже всякаго доказательства, глубже даже, чѣмъ опредѣленное воспріятіе,—такъ глубоко, какъ сама сущность духа», словомъ—изъ априорнаго положенія, какъ его Спенсеръ смѣло и называетъ.

Названный критикъ считалъ необходимымъ особенно обратить мое вниманіе на тотъ хорошо мнѣ извѣстный фактъ, что мои законы развитія, выведенные изъ регулятивныхъ принциповъ Канта и, слѣдовательно, сами претендующіе только на регулятивное значеніе, близко совпадаютъ со спенсеровыми законами развитія; что первые не выражаютъ абсолютно ничего большаго, чѣмъ вторые. (Я сказалъ бы: и нисколько не меньше, за исключеніемъ того, что они именно не претендуютъ на конститутивное значеніе). «Развѣ вся гносеологическая часть работы Наторпа не является поэтому совершенно излишнею»? спрашивалъ онъ.—Чтобы это стало ясно, надо было принять во вниманіе, во первыхъ: что спенсеровъ законъ развитія является, какъ сказано, результатомъ «синтеза», который долженъ служить для «объединенія познанія», т. е. для удовлетворенія перваго изъ трехъ регулятивныхъ принциповъ Канта—принципа «гомогенности»,—а въ то же время, конечно, и обоихъ другихъ—«спецификаціи» и «родственности», при чемъ для всѣхъ ихъ построенія Спенсера даютъ прекрасные примѣры.

Слѣдовательно, регулятивныя принципы Канта логически стоятъ не ниже, а выше спенсеровыхъ законовъ развитія. Во вторыхъ, надо было принять во вниманіе, что вообще наше познаніе, по Спенсеру, какъ и по Канту, не можетъ дѣлать ничего иного, какъ только «складывать явленія по буквамъ, чтобы быть въ состояніи читать ихъ въ качествѣ опыта». Если признать правыми обоихъ философовъ—а понимающій самъ себя эмпиризмъ долженъ, какъ мнѣ кажется, держаться этого взгляда,—тогда такіе принципы (прѣта), сами принадлежащіе къ азбукѣ, съ помощью которой мы только и можемъ «складывать явленія-буквы», должны по необходимости имѣть первичное значеніе по сравненію съ принципами, которые лишь посредствомъ этой азбуки вычитываются изъ опыта. Сказать поэтому, что первые излишни, разъ имѣются послѣдніе,—это было бы приблизительно такъ же умно, какъ сказать, что умѣющій читать не нуждается въ азбукѣ. Это могло бы имѣть тотъ смыслъ, что кто уже умѣетъ читать, тотъ не долженъ каждый разъ снова припоминать азбуку. Но, во всякомъ случаѣ, грамматикѣ всегда придется скромно начинать съ основныхъ звуковъ. По крайней мѣрѣ, и Спенсеръ не считалъ излишнимъ справляться съ грамматикой науки, которая обычно называется логикой. И было бы нѣсколько стыдно, если бы нѣмецкіе ученые философы и соціологи должны были лишь отъ Спенсера узнавать, что такое дедукція, что такое принципъ, что такое философія.

Послѣдствія неяснаго пониманія вопросовъ о методѣ должны были, конечно, сказаться и въ сужденіяхъ объ отдѣльныхъ моихъ построеніяхъ. Я отвергъ сравненіе общества съ организмомъ, <sup>1)</sup> мотивируя это тѣмъ, что органическое развитіе, понимаемое въ качествѣ физическаго, необходимо имѣетъ нѣкоторый высшій предѣлъ (см. стр. 167); „по крайней мѣрѣ, только при предположеніи, что существуетъ такой высшій предѣлъ, ходъ органическаго развитія можно было бы выразить въ терминахъ естественныхъ законовъ, т. е. въ эмпирически-причинныхъ терминахъ.“ Но исключительное значеніе причинности утверждалъ Бартъ. И все же онъ удивлялся приведенному положенію и видѣлъ въ немъ особенно рѣзкое доказательство моего незнакомства съ современною соціологіей. Вѣдь именно органическая школа, говоритъ онъ, подводитъ общество подъ общее понятіе

---

<sup>1)</sup> Бартъ, однако, все же приписываетъ мнѣ его (стр. 369; см., напротивъ, ниже стр. 97, 137 и сл.).

эволюціи, какъ движенія отъ несвязной однородности къ связной разнородности, каковое движеніе впередъ „вѣдь неограничено“ (стр. 374).

Между тѣмъ на этотъ разъ мною руководило—правильно ли или неправильно — не мое вообще большое незнакомство съ современною соціологіей, а именно мое скромное знакомство съ нею. Ибо именно авторъ указаннаго знаменитаго закона, Спенсеръ, ставилъ необходимыя границы тому развитію, которое этимъ закономъ опредѣляется; оно даже для вселенной заканчивается всеобщей смертью, — по крайней мѣрѣ, поскольку утвержденіе должно держаться въ предѣлахъ возможнаго опыта, поскольку не дѣлается попытки создать какую либо умозрительную гипотезу. Спенсеръ, правда, позволяетъ (непоследовательно, какъ мнѣ кажется) уйти въ такой гипотезѣ отъ предпосылки о вѣчной смерти, но онъ вполне ясно сознаетъ, что тѣмъ самымъ мы покидаемъ почву возможнаго опыта, что этотъ вопросъ вообще есть вопросъ трансцендентный. Иной результатъ и не былъ возможенъ для философа, который въ основу закона эволюціи, какъ закона конститутивнаго, желалъ положить принципъ сохраненія силы. Сохраненіе силы въ не уменьшающемся и не увеличивающемся количествѣ не имѣетъ никакого понятнаго смысла, если сила принимается, какъ безконечная; если же она конечна, то и возможность развитія также становится конечною. А насколько болѣе вытекаетъ ограниченность развитія, когда дѣло касается не вселенной, а возможности существованія опредѣленно организованныхъ живыхъ существъ при опредѣленныхъ, естественно конечныхъ условіяхъ. И безъ того должно бы быть ясно, что говорить на эмпирической почвѣ о безконечномъ развитіи, это — внутреннее противорѣчіе, такъ какъ относительно безконечнаго у насъ нѣтъ опыта. Слѣдовательно, мое положеніе вполне согласно съ основателемъ современной соціологіи и все же лучшимъ ея логикомъ, — за однимъ только исключеніемъ, которое всякій эмпирикъ долженъ былъ бы одобрять: именно, въ вопросахъ эмпирической науки я не даю мѣста умозрительнымъ гипотезамъ. Если это правильно, тогда понятіе развитія — разъ оно должно открывать какой либо видъ въ безконечность — не можетъ быть основываемо на опытѣ; но тогда оно можетъ уже претендовать не на конститутивное, а только на регулятивное значеніе, какъ я и утверждалъ.

Также лишь необходимымъ слѣдствіемъ моихъ методологическихъ принциповъ является то, что я долженъ считать не-